

Шэнь Цзибай пробормотал что-то бессвязное. Сознание юноши все еще оставалось затуманенным; он перевернулся на бок и съежился. В этой части пространства царила глухая зима, а поскольку учитель и ученик были одеты слишком легко, да к тому же промокли до нитки, их неизбежно колотило от холода.

Шэнь Цзибай блуждал в полузабытьи кошмара. Ему снилось, будто грудь его пронзили насквозь, прямо в сердце, и эта боль была невыносимой, удушающей. Когда учитель пришел на помощь, его собственное тело уже давно остыло. О, как же сильно злился наставник! Цзибай никогда прежде не видел его в таком гневе. И от осознания, что причиной этой ярости стал он сам, в душе юноши шевельнулась странная, робкая радость. Пусть это был кошмар, но в нем крылась половина самого прекрасного сна.

Затем сквозь пелену забытья до его слуха донесся странный, лишенный жизни механический голос: «Спокойно. У Ноль-Восемнадцатого есть решение». В этом странном полусне Цзибай увидел, как Сун Цимин с абсолютно бесстрастным лицом ответил:

— Излагай.

В то же мгновение перед глазами разлилось ослепительное золотое сияние. Оно полностью поглотило видение, но за секунду до того, как все исчезло, Цзибай успел заметить: тот, другой он, бездыханно лежавший на земле, вдруг резко открыл глаза.

Шэнь Цзибай содрогнулся от пробирающего до костей холода. Он понимал, что все это лишь грезы, но они казались пугающе осязаемыми — тепло ладони учителя, сжимавшей его руку, чувствовалось до сих пор. Юноша коснулся пальцами собственных губ. Ему смутно помнилось, как в беспамятстве он ощутил на них мимолетное прикосновение чего-то нежного и мягкого.

Лао Сун уже пытался угрожать Системе, требуя стереть из ее памяти любые упоминания об их поцелуе, но Ноль-Восемнадцатый лишь бесстрастно заявил, что подобной команды в его базе данных не существует.

— Ну ты и скотина, — в сердцах бросил Сун Цимин.

[Система: Пожалуйста, выбирайте выражения.]

Бросив взгляд на засыпающего ученика, Сун Цимин сначала в наказание легонько щелкнул его по лбу. Затем, преодолевая вспышку боли в спине, он поднял юношу на руки и направился к лаково-красным вратам Лююй. Перед тем как войти, он уважительно поклонился исполинскому белому дереву:

— Добрый вечер, Лююй. Будь любезен, открой нам двери.

Ветви дерева тихо зашелестели, издав чистый, потусторонний звон: великое дерево Лююй

давало свое согласие. Ему было известно, что Шэнь Цзибай — его хозяин в восемнадцатом поколении; об этом исполину поведал сам Сун Цимин. Тотчас же оранжевый бумажный фонарь, висевший у левого косяка ворот, отрастил тонкие паучьи лапки, прыгнул на землю и засеменял впереди, указывая дорогу тусклым огоньком.

Лаково-красные створки медленно разошлись с глухим скрипом. К ногам Сун Цимина устремились клубы густого белого тумана. С порога разглядеть внутреннее убранство было невозможно — впереди расстилалась лишь непроглядная бездна. Сколько ни всматривайся, будь снаружи день или ночь, внутри неизменно царила крошечная тьма. Лишь следуя за живыми фонарями, гость мог постепенно разглядеть скрытые в этой пустоте очертания.

Фонарь вел их по узкой тропинке, по обе стороны которой смыкался непроницаемый мрак. Сун Цимин невольно подумал, что это пространство слишком долго оставалось без присмотра истинного хозяина и пришло в совершенный упадок. Когда Цзибай придет в себя, нужно будет первым же делом растолковать ему местные законы.

Минут через пять неспешного пути фонарик вывел их к небольшому усадебному домику в деревенском стиле. Во всем этом бескрайнем царстве тьмы сияли лишь протоптанная тропа да эта скромная обитель. Фонарь вежливо поклонился гостям, зажег свечу на деревянном столбе у калитки и поспешил обратно во мрак.

Сун Цимин, прекрасно знавший здесь каждый уголок, бережно перенес ученика в дом. Уложив юношу на постель, он принес дров, растопил очаг, чтобы прогреть остывшую комнату, и устроился рядом в позе лотоса, намереваясь восстановить собственные силы. Однако медитацию пришлось прервать — со стороны постели донесся тихий шорох.

Сун Цимин приоткрыл глаза. Шэнь Цзибай действительно пришел в себя: укутавшись в плотное одеяло, он сидел у очага и грел ладони, все еще сонный и растрепанный. Стоило наставнику взглянуть на это лицо, как в памяти услужливо всплыли подробности недавнего поцелуя. Гнев Лао Суна еще не утих, и сейчас вид ученика вызывал у него лишь глухое раздражение.

— Очнулся? — холодно спросил он.

Шэнь Цзибай вздрогнул, окончательно стряхивая остатки сна.

— Учитель? — Он что-то вспомнил и тут же пополз ближе к Лао Суну.

Сун Цимин, до смерти напуганный недавней близостью, рефлекторно отпрянул назад. Округлив глаза от испуга, он выпалил:

— Ты что творишь?!

Цзибай замер, пораженный. Впервые в жизни он видел наставника в таком замешательстве. Совершенно растерявшись, юноша так и остался сидеть на полу, не находя слов.

[Система: Нарушение характера персонажа! Списание очков благопристойности: 10 баллов.]

У Сун Цимина мелко задергался левый глаз. Если эти очки продолжат таять на глазах, его жизнь оборвется самым нелепым образом.

— Я хотел сказать... — Лицо наставника мгновенно преобразилось, приняв привычное мягкое и заботливое выражение. — Цзибай, ты, должно быть, проголодался? Позволь учителю приготовить для тебя что-нибудь простое.

Взгляд Шэнь Цзибая прояснился. Он чинно выпрямился, усевшись напротив наставника.

— Учитель, позвольте мне сначала поделиться с вами духовными силами.

Сун Цимин опешил:

— Откуда ты... узнал?

— В детстве я немного обучался врачеванию у своего отца, — спокойно ответил юноша.

Сун Цимин мягко улыбнулся:

— Мои духовные каналы уже начали восстанавливаться, так что не стоит беспокоиться.

— И все же я должен осмотреть вас, — твердо настоял Цзибай.

Отныне он не собирался слепо верить вечным заверениям учителя в духе «со мной все в порядке, не переживай». Пожалуй, теперь он вообще сомневался, стоит ли верить подобным словам.

Сун Цимин попытался поудобнее переставить затекшие ноги, но резкое движение отозвалось невыносимой, режущей болью во всем теле. Он судорожно вздохнул сквозь стиснутые зубы. Мир перед глазами качнулся, и мужчина едва не рухнул на пол, однако Цзибай среагировал мгновенно и подхватил его под руки.

Лицо учителя казалось белее мела. Цзибай окончательно понял: в Несокрушимом городе стряслось нечто ужасное. Поддерживая наставника, он случайно коснулся ладонью его спины и ощутил под пальцами горячую влагу. Взглянув на руку, юноша замер — ладонь была густо покрыта свежей кровью.

Дыхание его перехватило от ужаса. Бережно, но крепко прижимая к себе хрупкое тело мужчины, чтобы лишний раз не потревожить раны, он умоляюще прошептал:

— Учитель, у вас кровь идет... Пожалуйста, лягте на живот, я помогу вам.

С помощью легкого пасса руки Цзибай притянул лежавшие в углу теплые одеяла и расстелил их на полу.

— Обопритесь на меня, потихоньку поворачивайтесь.

Сун Цимин подумал, что его ученик вырос на удивление заботливым и смышленным. Стоило ему опуститься на мягкие постельные принадлежности, как остатки сил окончательно покинули его. Весь сегодняшний день его нервы были натянуты до предела: мало того что пришлось применить сложнейшее заклинание Возврата во времени, так еще и личные резервы духовной энергии истощились до опасного минимума.

Заметив, что наставник крепко уснул, едва коснувшись подушки, Цзибай устроился рядом и принялся бережно вливать в его меридианы свою духовную силу. Вновь проверив пульс учителя и убедившись, что тот наконец выровнялся, юноша облегченно вздохнул. Смахнув холодный пот со лба, он бесшумно поднялся и решил отправиться на кухню на поиски какой-нибудь провизии.

Выйдя на порог, Цзибай обнаружил, что за пределами дома царит совершенный мрак. Лишь тусклый оранжевый огонек свечи у ворот едва разгонял густую тьму. Перед спальней раскинулся аккуратный квадратный внутренний дворик, вымощенный мелкой речной галькой. Спустившись во двор, юноша пошел по каменистой тропке и, ведомый интуицией, быстро отыскал пристройку, служившую кухней.

Примерно через полчаса, сварив простую пшеничную кашу, он вернулся в комнату. Наставник к тому времени уже проснулся. Он сидел перед низким столиком, погруженный в глубокие размышления. Его взгляд немного прояснился, хотя на лице все еще читалась сильная усталость. Тонкой кистью он выводил иероглифы на листе белой бумаги, но стоило Цзибаю переступить порог, как Сун Цимин тут же вскинул голову.

Сун Цимин занес кисть над бумагой и посмотрел на вошедшего:

— Цзибай, это путешествие лишило меня половины духовных сил. Я написал письмо твоей Пятой шишу, чтобы она не беспокоилась о нас. Пока раны не затянутся, мы побудем здесь. За это время я сниму печать с твоего меридиана и обучу тебя техникам остальных восьми разделов нашего справочника меча.

Шэнь Цзибай почтительно наклонил голову:

— Учитель, как долго мы здесь пробудем?

— Возможно, полгода, а может, и весь год, — ответил Сун Цимин. — Скоро это место преобразится, здесь станет очень красиво. Когда я полностью поправлюсь, мы обязательно прогуляемся по окрестностям.

— Слушаюсь.

Сун Цимин аккуратно сложил послание. Наложив на бумагу легкое заклинание кончиком указательного пальца, он вызвал вспышку золотистого света. Стоило ему разжать пальцы, как письмо чудесным образом ожило, обратившись в изящного бумажного голубя. Птица сделала пару робких шагов по столешнице, взмахнула крыльями и вылетела в открытое окно.

Цзибай аккуратно поставил дымящуюся пиалу на столик.

— Учитель, я приготовил пшенной каши. Пожалуйста, отведайте, пока не остыла.

— Благодарю, — Сун Цимин послушно сделал пару ложек. Вкус был пресным, но сквозь эту простоту пробивалась едва уловимая сладость. — Цзибай, а сам ты поел?

— Да, учитель, я уже поел.

Заметив легкое замешательство на лице ученика, Сун Цимин спросил:

— Тебя что-то тревожит? Ты хочешь о чем-то спросить?

— Да, учитель, — Цзибай почтительно поклонился, хотя сам в глубине души понимал, насколько нелепо звучит его вопрос. — Мне приснился кошмар... Будто я погиб, а вы вернули меня к жизни.

Сун Цимин замер, так и не проглотив очередную ложку каши.

«Должно быть, это побочный эффект от Возврата во времени», — пронеслось в его голове.

Наигранно улыбнувшись, он поспешил успокоить юношу:

— Это всего лишь пустой сон, не бери в голову.

— Понимаю, — Цзибай набросил теплое одеяние на плечи учителя. — И все же у меня остался еще один вопрос.

— Спрашивай.

— Когда я наглотался воды и лишился чувств... мне показалось, будто мои губы были чем-то зажаты.

У Сун Цимина от этого вопроса мороз прошел по коже. Поняв, что выдает себя излишним волнением, он поспешно откашлялся и постарался придать голосу будничное звучание:

— Ах, это... Ты бредил и жаловался на жажду, поэтому мне пришлось напоить тебя водой. К слову, на склоне горы за домом есть прекрасный целебный источник. Ступай туда, прогрей кости. Там же найдешь и чистые одежды.

Цзибай на мгновение замялся:

— Учитель, но я...

Испугавшись, что ученик вот-вот растормошит подавленные воспоминания о злосчастном поцелуе, Сун Цимин чуть не переломил тонкую кисть пополам.

— Ступай-ступай, — настойчиво прервал он его и указал кончиком кисти на деревянный шкаф у стены. — В том ларе приготовлено несколько сменных одеяний твоего размера.

Поняв, что расспросы окончены, Шэнь Цзибай не стал настаивать. Он молча поклонился и покинул спальню.

Оставшись один, Сун Цимин прикрыл глаза и перевел дух. Сила понемногу возвращалась к нему. Система в данный момент находилась в режиме перезапуска и самодиагностики — точно-точно зависший компьютер во время поиска ошибок. Как бы наставник ни звал Ноль-Восемнадцатого, тот хранил гробовое молчание.

Приняв целебную пилюлю, он наконец почувствовал, как ноющая боль в ранах утихает. Теперь ему и самому не помешало бы хорошенько отмокнуть в горячем источнике. Размышляя о будущем, Сун Цимин пришел к выводу, что это безжизненное пространство Лююй необходимо преобразить — наполнить его светом, красками и чем-нибудь интересным. К примеру, наделить усадьбу сменой времен года, источник перенести на восточный склон горы, а на западе вырастить бескрайний первозданный лес, где его ученик мог бы совершенствовать свое мастерство. Можно было сотворить и множество других чудес.

Впрочем, сейчас подобные думы лишь утомляли и без того уставший разум. К тому же истинным хозяином пространства Лююй являлся именно Шэнь Цзибай. Логичнее было спросить у самого главного героя: пусть создает здесь все, что его душе угодно.

Поднявшись из-за стола, Сун Цимин взял бумажный фонарик и вышел во двор. Тропинка

уходила вверх, огибая дом и устремляясь к горному склону. Вскоре сквозь плотную пелену пара показались очертания источника, со всех сторон обложенного крупными валунами. Тусклый оранжевый свет выхватил из клубящегося тумана лишь край каменной купели. Внезапно до ушей наставника донесся тихий плеск воды. Сун Цимин повернул голову и замер: прямо перед ним у кромки воды стоял Шэнь Цзибай.

Юноша как раз собирался выбраться из воды, когда до его слуха донеслись шорох шагов. Среагировав мгновенно, он резко развернулся. Он посмотрел ледяным взглядом. Взмахнув рукой, он в долю секунды сотворил несколько острых ледяных клинков и без промедления метнул их прямо в темноту, откуда приближался незванный гость.

Сун Цимин легко уклонился, сделав шаг в сторону, и вышел на свет фонаря:

— Это я.

Шэнь Цзибай опешил и тут же опустил руки, развеивая оставшиеся ледяные осколки:

— Учитель...

<http://bllate.org/book/20145/2139895>